

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ
ДРОНГО**

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

**АНГЕЛ БОЛИ:
ТРИ ЧЕТВЕРТИ
ЕГО ДУШИ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Ангел боли: Три четверти его души / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Абдуллаев. Лучшие романы о сыщике Дронго).

ISBN 978-5-04-225752-0

Вот он — неуловимый маньяк, «стаффордский попрошитель», на счету которого десятки замученных женщин. Разыскивая его, сбились с ног лучшие агенты Интерпола, кажется, сам дьявол помогает ему, иначе как объяснить то, что легендарный эксперт-аналитик Дронго попал в лапы этого изувера. Вот он — в двух шагах от Дронго, и в руках его холодно блестит скальпель. Скотанный наручниками, эксперт беззащитен, но его могучий интеллект, к счастью, в оковы не возьмешь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А., 2025

© Оформление.

ISBN 978-5-04-225752-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

В одном отношении люди всегда отличаются редким постоянством, отступая от него, лишь когда дело касается мелочей; меняется все: одежда, язык, манеры, понятия о приличии, порою даже вкусы, но человек всегда зол, непоколебим в своих порочных наклонностях и равнодушен к добродетели.

Жан Лабрюйер

Жизнь, как известно, не предопределяется заранее, и все происходящее является лишь цепью случайностей. Но даже те, кто знает эту истину, в какой-то миг своей жизни оборачиваются назад и понимают, что пережитые ими случайности были закономерностью.

Орхан Памук

И настало время Зверя. В начале двадцать первого века в объединенной Европе появился преступник, равного которому еще не знали. Дело было даже не в его преступлениях — в истории древнего континента случались и более страшные, и более чудовищные. Дело было в его беспримерной дерзости и наглom вызове, который он бросил всем полицейским Европы. Совершаемые с особой жестокостью убийства привлекли внимание Интерпола. На поиски преступника были брошены самые проница-

тельные сыщики. Но маньяк вел игру, в которой не было никаких правил, — убийства продолжались.

Тогда вычислить и найти убийцу взялись лучшие аналитики Европы. Вызов приняли англичанин Мишель Доул, француз Дезире Брюлей, из Вашингтона прилетел старший агент ФБР Вирджил Даббс, и, наконец, к ним присоединился Дронго — самый молодой аналитик из всех известных экспертов. Но не успел он прилететь в Рим, как ему позвонил сам «стаффордский потрошитель». Противостояние между ними начиналось в Италии...

Глава 1

Четверо мужчин устроились за обычным канцелярским столом. Тому, кто расположился в кресле, было удобнее всех. Он мог вытянуть ноги и вообще чувствовать себя достаточно комфортно. Остальные трое сидели, поджимая ноги под стулья, так как форма канцелярского стола в полицейском комиссариате Флоренции не была приспособлена для таких посиделок. Кто-то отодвинулся от стола, кто-то повернулся к нему боком. Но суть была не в этом. Мужчинам предстояло сделать трудный выбор...

Несколько часов назад дождливой ночью на трассе Болонья — Верона погиб сообщник убийцы Тимоти Хопкинс: его автомобиль перевернулся и вылетел в овраг. Тщательно разработанный план поимки преступника сорвался. На трассе, перекрыв ее, автомобиль Хопкинса ждали сотрудники полиции. Но в эту холодную весну на Апеннинах выпало много снега, и шоссе Болонья — Падуя временно за-

крыли для проезда. Преступник воспользовался другой дорогой, которая стала для него роковой.

Лица мужчин, сидящих за столом, выражали крайнюю степень усталости и разочарования. Все понимали, что времени у них почти нет. Сейчас, в пятом часу утра, им предстояло определиться с планом действий на сегодняшний день. Убийца, который в последнее время так ловко от них ускользал, пожелал встретиться с офицером полиции Луизой Фелачи, назначив ей свидание в Венеции. Отчасти в этом были виноваты и сами эксперты. Они сознательно провоцировали маньяка, рассчитывая, что он обнаружит себя или в Риме, или во Флоренции. Но он оказался хитрее и опаснее, чем они полагали. И вот теперь выразил желание увидеться с офицером полиции на площади Святого Марка, в этой «самой большой гостиной Европы», как называл ее Наполеон Бонапарт, где в постоянно многочисленной толпе туристов практически невозможно организовать засаду.

Все понимали, как опасно и неразумно подставлять молодую женщину. Но одновременно каждый сознавал, что сейчас — это единствен-

ный шанс попытаться вычислить и поймать преступника.

Комиссар Террачини, мрачный, постаревший, с воспаленными, красными от бессонницы глазами и серым обмякшим лицом, непрерывно курил, и пепельница, стоящая перед ним, уже давно была переполнена окурками. Восседая во главе стола, формально он руководил операцией, хотя после чувствительных поражений в Риме и во Флоренции не хотел и не мог принимать решения самостоятельно. Кажется, автомобильная авария с Хопкинсом стала последним ударом по его самолюбию.

Рядом с ним дымил трубкой комиссар Дезире Брюлей. Его лицо, словно высеченное из камня, выглядело мрачной маской, которую он забыл снять. Брюлей, сознавая, как тяжело его итальянскому коллеге, не собирался подсказывать Террачини, какое решение ему нужно принять. Однако и чего-то ждать у них тоже не было возможности. Через час-полтора начнет светать, а им еще предстоит перебраться в Венецию, где должен быть сыгран следующий акт этой затянувшейся трагедии. Напротив Террачини расположился Вирджил Даббс, сотрудник ФБР, прибывший для координации действий

его службы с Интерполом. Афроамериканец Даббс считался прекрасным аналитиком, на его счету были десятки разоблаченных серийных убийц и маньяков. Однако с такими преступлениями, расследованием которых они сейчас занимались, ему еще не приходилось сталкиваться ни в Америке, ни в Европе. Кроме того, он отдавал себе отчет, что начатая по его предложению игра оказалась слишком опасной. Офицер полиции Фелачи в полном смысле этого слова рисковала жизнью. Поэтому, глядя на Террачини, он молчал, предоставив итальянцу право решать за всех.

И наконец, четвертым в этой комнате и за этим столом был Дронго — сорокапятилетний мужчина высокого роста, лысоватый, обладавший запоминающейся внешностью, с большим лбом, темными пронизательными глазами, волевым подбородком. О его пристрастиях знала вся Европа, о его аналитических способностях ходили легенды. Несколько лет назад в Лондоне он был торжественно принят в клуб самых известных сыщиков современности, но, несмотря на это, считал своими учителями комиссара Дезире Брюлея, частного детектива Мишеля Доула и уехавшего в данный момент в Египет

Фредерика Миллера. Очевидно, умение признавать авторитет других — одна из важнейших составляющих человеческого разума вообще и профессиональной корпоративной этики в частности.

Четверо мужчин, казалось, уже со всех сторон обсудили предстоящую встречу Фелачи с неизвестным убийцей, понимая и ее важность, и опасность. Однако было еще одно обстоятельство, о котором все знали, но старались не упоминать в своих рассуждениях. Луиза Фелачи нравилась одному из них. И его увлечение оказалось взаимным. Более того, мужчина и женщина, несмотря на напряженную обстановку последних дней, смогли несколько раз встретиться.

Этим мужчиной был Дронго. Остальные трое, сидящие сейчас с ним за одним столом, представляли, как ему тяжело согласиться на встречу Луизы Фелачи с убийцей. Но все слова уже были сказаны. Часы показывали около пяти утра.

— Итак, мы должны решить, — произнес Террачини и с ненавистью раздавил в пепельнице очередной окурок.

— Не люблю это делать за других, — мрач-

но признался Брюлей. — Мне всегда легче, когда решение принимают сами сотрудники.

— Она уже сказала нам о своем желании, — напомнил Даббс.

Дронго подумал, что американцы в таких вопросах бывают бесчувственными. Или они меньше, чем европейцы, ценят человеческую жизнь? Нет. Конечно, нет. Просто они привыкли уважать профессионалов. Если офицер полиции Луиза Фелачи заявила, что она готова пойти на встречу, значит, она приняла ответственное решение и теперь сама за него отвечает. Даббс с самого начала считал, что убийцу нужно заманить в ловушку, подставив ему возможную жертву. Дронго молчал. Он помнил свою стычку с Луизой накануне и не хотел ничего говорить. Но решение нужно было принимать без промедления, чтобы успеть расставить переодетых офицеров полиции вокруг площади.

— Звонил комиссар Модзони из Венеции, — сообщил Террачини. — Сказал, что они готовы к встрече. Вокруг площади будут дежурить переодетые сотрудники полиции. Они оцепят весь остров, перекроют все мосты. Некоторых гондольеров заменят наши люди. Ни одна лодка не пройдет незамеченной. Сверху

ситуацию будут контролировать вертолеты. Карabinieri и жандармы уже отработали с нами совместные действия. Если убийца рискнет появиться на площади, мы его возьмем.

Даббс хотел что-то спросить, но воздержался, наткнувшись на тяжелый взгляд Дронго.

— А если мы опять ошибаемся? — негромко произнес Дронго, словно разговаривал сам с собой. — Если он снова придумал какой-то трюк, который мы не учитываем? Тогда у нас будет еще один труп молодой женщины, которую мы сами подставили.

— Право выбора за ней, — возразил Даббс, — в конце концов, она офицер полиции, а не девочка, которую мы посылаем на встречу с убийцей.

— Она молодая женщина, Вирджил, — возразил Дронго, обращаясь к коллеге по имени. — Если она умрет, я никогда не прощу себе этого. Никогда. Действительно, Фелачи — офицер полиции, но в схватке с монстром, который, не дрогнув, убил столько людей, она заведомо обречена. У нее нет опыта общения с такими крупными хищниками.

— Тогда давайте отменим эту операцию, —

разочарованно предложил Даббс, — и просто оцепим всю площадь.

— Это ничего не даст, — вмешался Брюлей. — Как мы его будем искать? Спрашивать всех, кто говорит по-английски? Сейчас вся Европа говорит по-английски...

— Кроме французов, — невесело заметил Дронго. — Они понимают язык, но не хотят на нем говорить...

— Да, кроме французов, — подтвердил Брюлей. — Так как же мы его вычислим? Он сразу догадается, что мы решили отменить встречу, и уйдет еще до того, как мы начнем проверку.

— У нас не осталось времени, — глянул на часы Террачини. — Через час вылет в Венецию. Нужно решать. Тянуть дальше нельзя. Как вы считаете, мистер Даббс, что нам делать? Мы должны согласиться на эту встречу? — Он намеренно сначала обратился к американскому эксперту, зная его ответ.

— Да, — не раздумывая, ответил Даббс, — это наш последний шанс.

— Спасибо. А как думаете вы, коллега? — повернулся Террачини к Брюлею, чтобы оставить Дронго в полном одиночестве.

Но, к удивлению комиссара, Брюлей оказался не столь категоричен, как Даббс.

— Не знаю, — ответил он. — Мне кажется, эта встреча очень опасна для вашего офицера.

Террачини растерялся, но все же посмотрел на Дронго.

— А вы против? — спросил он, не сомневаясь в этом.

— Нет, — ошарашил его Дронго. — Я считаю, что встреча обязательно должна состояться. Но с одним нюансом. Я хотел бы рассказать вам мой план... — И он изложил его — секунд за сорок или сорок пять.

Когда Дронго закончил, Даббс усмехнулся:

— У нас, в Америке, с вашим вариантом никто не согласился бы. Никогда. Это дискриминация...

— Так будет лучше, — поддержал Дронго Брюлей, — хотя тоже очень опасно.

Террачини молчал. Просто смотрел на Дронго и молчал. Наконец выдавил:

— Очень интересное предложение. Но офицер Фелачи может не пойти на такое. У нас, конечно, не Америка, однако некоторые общие правила...

— А вы всегда спрашиваете мнение подчи-

ненных? — зло поинтересовался Дронго. — Или, может, на этот раз сами примете решение? — Он хотел еще что-то добавить, но, увидев укоризненный взгляд Брюлея, замолчал.

Террачини достал новую сигарету.

— Мне так же сложно, как и вам, — пробормотал он, — и если вы думаете, что я с удовольствием отпускаю моих людей на такие встречи, то ошибаетесь. Я вообще не люблю терять моих офицеров. Хуже этого ничего нет. Пусть меня уволят на пенсию или вообще оставят без пенсии, только я не хочу подвергать человека такой опасности, синьор Дронго. — Последнюю фразу он произнес по-итальянски, зная, что собеседник его поймет.

— Извините, — пробормотал Дронго, — только я думаю, что и меня можно понять.

— Вы с ней спали... — Террачини не спросил, это было утверждение.

— Я должен был получить разрешение в вашем Министерстве внутренних дел? — отреагировал Дронго.

— Нет. Конечно нет. Вы ей нравитесь, я это знаю. Она спрашивала про вас еще до того, как вы здесь появились...

Дронго молчал. Конечно, Луиза Фелачи

должна была знать о его приезде в Италию. Если об этом сумел узнать даже убийца, то ей наверняка было известно. И поэтому еще в Риме, на лестнице, сразу его узнала. А он поверил в ее сказку о парфюме.

— Я бы пошел на свидание вместо нее, — в сердцах произнес Дронго.

Террачини фыркнул. Брюлей улыбнулся. Даббс громко расхохотался.

— Не получится, — развеселился он. — В тебя трудно влюбиться гетеросексуальному мужчине. Да и поднять тебя с твоим ростом и твоими плечами он не сможет... Ты бы еще Тайсона вместо себя послал...

— Между прочим, Тайсон уже не в той форме. А я имел в виду другое, — попытался объяснить Дронго, но Брюлей перебил его.

— Хватит, — сказал он, — давайте обсуждать наш план. Предложение Дронго лично мне кажется наиболее разумным. Нужно получить подробную карту площади и посмотреть, как и куда будет двигаться офицер Фелачи. А заодно и еще раз продумать систему ее защиты. — Он взглянул на Дронго и понял, что тот опять с ним не согласен. — Что еще? — поинтересовался Брюлей. — У тебя опять возражение?

— Ведь он не дурак, — попытался объяснить Дронго. — Неужели не понимает, что мы поднимем вертолеты, пустим водолазов, возьмем под контроль все лодки и гондолы. Неужели надеется уйти после этой встречи? Хотел бы я знать, куда он денется? И почему решил так рискнуть?

— Вот и узнаем, — твердо произнес Дезире Брюлей. — Может, он хочет, чтобы его остановили. Такие типы существуют. Один из моих помощников называл их «полуночными неврастениками». Они действуют как лунатики, не отдавая себе отчета в своих действиях, а затем переживают. Некоторые даже связывают себя на ночь, чтобы остановить свои бесконтрольные действия. Может, он из таких. Убийца, который не в силах самостоятельно остановиться. Ведь по существу его действий он настоящий маньяк.

— А по мне, он расчетливый негодяй, — вмешался Террачини.

— Вот видите, — подхватил Дронго, — значит, он сумел все рассчитать лучше нас. Может, нам вообще отказаться от этой встречи?

— И искать его потом по всей Европе? — отреагировал Даббс. — Или ждать, пока он снова о себе заявит, убив очередную жертву?

Террачини потушил сигарету и медленно поднялся.

— Поехали, — предложил он, — нам еще целый час лететь. В пути все и обсудим. У нас еще есть время.

Дронго вышел в коридор последним. У двери стояла Луиза и о чем-то беседовала с Маурицио. Оба молодых офицера были в штатском. Увидев Дронго, Маурицио поздоровался с ним, а она отвернулась. Словно слышала все, о чем они говорили минуту назад в кабинете.

Глава 2

Каждый раз, приезжая в Венецию, Дронго испытывал необъяснимое чувство печали. Словно уходящий в воду город напоминал о бренности всего сущего, о неизбежности энтропии, поглощающей все живое. Проезжая по каналам города, он пытался понять состояние людей, живущих на воде и среди воды. Выросший у моря, Дронго не боялся массы воды, инертной по своей природе, но город, построенный на воде, вызывал у него сложные ассоциации. И если Ленинград будил чувство восторга, Амстер-

дам — любопытство, то Венеция навевала легкую грусть.

Может, потому, что здесь нашел свой последний приют Иосиф Бродский — один из самых любимых его поэтов? В этом символическом жесте гениального поэта — пожелании быть похороненным в Венеции — очевидно, выразилось и его отношение к бывшей Родине. Перенесенные унижения, судебный приговор за «тунеядство», отсутствие должного признания — все это сказалось потом в его решении не возвращаться на Васильевский остров. И завещание Бродского похоронить его тело в Венеции, так напоминавшей ему родной город, стало некой точкой, завершившей земное существование бунтаря и одиночки.

Дронго подумал, что жизнь гениальных людей не бывает легкой, как сложна и история городов, ставших символами развития цивилизаций.

Первые упоминания о Венеции относятся к V веку, когда в 421 году часть прибрежного населения, спасаясь от нашествия гуннов, переселилась на острова. Через сто с лишним лет Венецию заняли войска Византии, а еще через полтора века в городе избрали первого дожа.